

ПОИСК СОЦИАЛЬНОГО ОПТИМУМА: ПОГОНЯ ЗА ПРИЗРАКОМ?

© 2023 г. А. Д. Некипелов^{а,*}

^аМосковская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

*E-mail: nekipelovaleksandr@rambler.ru

Поступила в редакцию 20.03.2023 г.

После доработки 25.03.2023 г.

Принята к публикации 10.04.2023 г.

В статье реализован новый методологический подход к выявлению природы группового оптимума. Его составными элементами являются: отказ от унифицированного восприятия проблемы применительно ко всем видам групп, а также её отдельное рассмотрение в условиях определённости и неопределённости. Социальный оптимум рассматривается как состояние согласованности интересов членов социума, а выявление его природы осуществляется в рамках анализа “простой интегральной группы” в условиях определённости. Обосновывается необходимость “институциональной прокладки” – согласованного принципа социального выбора – между индивидуальными предпочтениями и социальным оптимумом. Ограниченные возможности получения и обработки информации, характерные для условий неопределённости, порождают потребность в формировании механизма социального выбора, призванного обеспечить возможность максимального приближения к сконструированному таким образом общественному оптимуму. Показано, что важнейшим следствием существования системных издержек, связанных с действием любых таких механизмов, становится появление малых групп и превращение простой интегральной группы в сложную. Определены особенности трёх важнейших видов малых групп – органов управления “большой группы”, предприятий (фирм) и домашних хозяйств, играющих важнейшую роль в функционировании экономической системы. Отсутствию однозначного определения точки социального оптимума и идеальных механизмов его достижения противостоит осознание членами общества несомненных выгод от сотрудничества друг с другом. Благодаря этому социальные конструкции оказываются относительно устойчивыми. Вместе с тем они обладают очевидными особенностями по сравнению с природными объектами, что не может не сказываться на характере общественных наук.

Ключевые слова: социальный (групповой) оптимум, групповые предпочтения, функции индивидуальной и общественной полезности, групповые интересы, согласование интересов, правило группового (социального) выбора, транзакционные издержки, издержки управления, органы управления, фирмы, домашние хозяйства.

DOI: 10.31857/S0869587323050080, EDN: VWVSWU

Современное общество (а в данном случае оно интересует нас прежде всего с экономической точки зрения) – чрезвычайно сложная институ-

НЕКИПЕЛОВ Александр Дмитриевич – академик РАН, директор МШЭ МГУ им. М.В. Ломоносова.

циональная конструкция. Его субъектами являются как отдельные люди, так и их разнообразные группы. Состояние и динамика общественной экономики определяются действиями подобных агентов. Но если в отношении механизма индивидуального выбора в современной экономической теории достигнута высокая степень согласия, то с пониманием природы группового выбора дело обстоит иначе.

На абстрактно-теоретическом уровне здесь уже в течение длительного времени экономисты пребывают в явном тупике. Камнем преткновения стал вопрос о наличии у группы собственной системы предпочтений. Безуспешность многочисленных попыток его решения способами, не противоречащими признанным аксиомам (в

первую очередь аксиоме о недопустимости межличностных сравнений уровней благосостояния), создаёт крайне неприятные проблемы для экономической теории. С учётом того, что спрос на потребительские товары предъявляется не только (и не столько) отдельными лицами, но и такими групповыми субъектами, как домашние хозяйства, серьёзная лакуна образуется в понимании основ действия рыночного механизма¹. Похожие проблемы возникают в теории фирмы в том случае, если мы допускаем, что у используемого ею капитала имеется не один, а несколько собственников².

Теоретическая непрояснённая проблема группового выбора в сочетании с её практической значимостью приводит к тому, что нередко исследователям приходится действовать по принципу “Если нельзя, но очень хочется, то можно!”. Так происходит в макроэкономической теории, когда в моделях экономического роста используется функция полезности домашнего хозяйства (см., например, модель Рамсея—Касса—Купманса), а также в работах более практической направленности, посвящённых моделированию конкретных социальных (в том числе экономических) систем (в частности, при использовании агент-ориентированных моделей).

В настоящей статье предпринята попытка несколько по-новому взглянуть на ситуацию, сложившуюся в сфере теоретических исследований проблемы социального выбора. Свою задачу автор видит не в том, чтобы предложить чудесное решение проблемы, над которой в течение десятилетий работали многие выдающиеся учёные. Предметом рассмотрения, причём на максимально абстрактном уровне, будет следующий вопрос: обладает ли в принципе “точными координатами” социальный оптимум, на поиск которого традиционно нацелена теория социального выбора и ссылки на который активно используются при обосновании экономических стратегий? Иными словами, не является ли он своеобразным призраком, способным менять своё обличье под влиянием тех или иных общественных условий?

¹ “Классическая теория спроса является двусмысленной при характеристике отношения [leaves ambiguous the relation] между кривой безразличия домашнего хозяйства и кривыми входящих в его состав индивидуальных членов... Переход от индивидуальных карт к карте домашнего хозяйства представляет особый случай перехода от индивидуального к общественному ранжированию” [1, p. 9].

² Именно этим вопросом задался К. Эрроу, по его словам, ещё в 1946 г., когда он вынашивал планы усовершенствования подходов Дж. Хикса к теории фирмы: “Что, если у неё [фирмы] будет много собственников вместо единственного собственника, как постулировал Хикс? Конечно, можно полагать, что все они будут стремиться к максимизации прибыли; но представьте себе, что у них разные ожидания в отношении будущего?” [2, p. 2].

А если это так, то какие выводы следуют из этого для экономической теории и практики?

О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ ТЕОРИИ ГРУППОВОГО ВЫБОРА

Исследователи интересующей нас проблемы традиционно пытались адаптировать к ней алгоритм индивидуального выбора, предложенный В. Парето на базе разработанной им ординалистской теории полезности [3]. В первую очередь с этим связано настойчивое стремление обосновать наличие у групп, в том числе общества, собственной системы предпочтений. Ведь в таком случае социальный оптимум может быть представлен в виде точки касания одной из поверхностей безразличия и поверхности, выражающей производственные ограничения, с которыми приходится иметь дело соответствующей группе.

Сложность, с которой столкнулись учёные, состояла в том, что члены любой группы обладают собственными, индивидуальными системами предпочтений, а потому возникает вопрос, нужно ли принимать их во внимание при введении в анализ групповых предпочтений?

Так называемый холистский (от английского whole, целостный) подход, уходящий корнями к Платону [1, p. 22, 24, 29], сводился к тому, что групповые предпочтения не зависят от предпочтений индивидуальных. Подобный подход, разумеется, позволял снять упомянутую выше проблему, однако не получил признания большинства исследователей. В самом деле, для многих из них представляется по меньшей мере странным использовать при построении теории в качестве аксиомы утверждение, что взгляды членов группы не имеют прямого отношения к её интересам³. Это соображение многократно усиливается опасением, что принятое наукой такого рода положение может использоваться для активной манипуляции обществом в политической жизни.

Видимо, в силу этих причин большинство исследователей исходят из того, что групповые предпочтения следует рассматривать как производные от предпочтений её членов⁴. Предполагается также, что выполняются условия в отноше-

³ Среди российских учёных, придерживающихся точки зрения, что интересы группы не сводятся к интересам её членов, упомяну Р.С. Гринберга и А.Я. Рубинштейна: “...мажорантой провалов рынка является несводимый к индивидуальным предпочтениям социальный интерес” [4, с. 11]; “...если любые нужды общества могут быть сведены к нуждам его членов, тогда на рынке не останется места для социализированных субъектов, поскольку, в соответствии с данной аксиомой, их интересы полностью растворены в личных предпочтениях” [5, p. 12].

⁴ Характерна в этом отношении позиция Дж. Бьюкенена: “Коллективные исходы проистекают из максимизирующего поведения многих людей, выступающих во многих различных качествах” [6, p. 4].

нии системы групповых предпочтений, позволяющие представлять их в виде функционала социального благосостояния, сформулированного А. Бергсоном [7]:

$$V^*(x) = V(U(x)), \quad (1)$$

где x – вектор, характеризующий возможные состояния группы, $V^*(x)$ – функционал группового благосостояния, $U(x) = (U_1(x), \dots, U_n(x))$ – векторная функция, компонентами которой являются индивидуальные функции группового благосостояния. При этом функция V – строго возрастающая на области значений $U(x)$.

Функционал (1), разумеется, хорошо иллюстрирует идею производности группового благосостояния от благосостояния членов группы. Однако открытым остаётся вопрос: имеет ли выражаемая им зависимость универсальный характер, или она может по-разному проявляться в разных условиях?

При первом варианте ответа аналогия между индивидуальным выбором по Парето и групповым выбором становится почти абсолютной. Фактически, социальный организм – группа – при таком подходе мало чем отличался бы от организма биологического – отдельного человека. Соответственно, оптимальный общественный выбор получил бы в этом случае чёткое определение: он стал бы результатом максимизации *однозначно* заданной функции общественной полезности при имеющихся ресурсных ограничениях.

Но любая группа – искусственная конструкция; она создаётся людьми, исходя из их собственных устремлений. Поэтому второй возможный подход к проблеме *производности* групповых предпочтений состоит в попытке обоснования того, что между ними и предпочтениями членов группы лежит своего рода институциональная прокладка в виде правил принятия совместных решений, на которые опираются члены группы.

Следует сразу же обратить внимание на тот факт, что у оптимального общественного выбора при такой трактовке связи между индивидуальными и групповыми предпочтениями теряется свойство *однозначной* определённости. В самом деле, приходится допускать, что различные правила принятия групповых решений при одной и той же конфигурации индивидуальных предпочтений будут приводить к разным результатам. Кроме того, возникает давно замеченная учёными (см., в частности, [1, р. 90]) проблема “цикличесности”, поскольку оказывается, что принятие членами группы совместного решения попадает в зависимость от их решения о том, как они будут принимать решение.

Тем не менее большинство исследователей проблемы группового выбора пошли именно по этому пути. По всей видимости здесь сказались

два обстоятельства. С одной стороны, повседневная практика свидетельствует, что упомянутая “цикличесность” отражает не тавтологичность научных рассуждений, а реальное свойство процесса коллективного выбора. Действительно, учреждение многих групп начинается с утверждения уставных документов, в которых определяются как задачи, которые ставит перед собой группа, так и правила, которыми ей следует руководствоваться при принятии решений. С другой стороны, теоретически нельзя исключать того, что для перехода от индивидуальных предпочтений к групповым пригодным будет лишь одно правило социального выбора. А в этом случае однозначно определённым оказалось бы и состояние социального оптимума. Ну, а если, всё же, таких алгоритмов принятия групповых решений оказалось больше одного, то, по крайней мере, имелась бы возможность чётко определять оптимальные решения группы в рамках действующих институтов. Более того, А. Сен предложил в таком случае ввести дополнительные (“дискриминирующие”) аксиомы в отношении правил социального выбора до тех пор, пока не останется одна-единственная процедура, соответствующая всем введённым ограничениям [8, с. 248].

Знаменитая теорема о возможности К. Эрроу стала громом среди ясного неба для теоретиков группового выбора. Американский учёный исходил из того, что в условиях капиталистической демократии используются два механизма такого выбора – голосование и рынок [1, р. 1]. При этом он полагал ненужным проводить различие между этими двумя способами, рассматривая их как “особые случаи более общей категории коллективного социального выбора” [1, р. 5]. Как известно, главный вывод теоремы состоит в том, что три естественных требования к системе групповых предпочтений (составные части “конституции социального выбора”)⁵ могут соблюдаться только в случае, когда в группе имеется “диктатор”, то есть человек, индивидуальные предпочтения которого о возможных состояниях группы распространяются на группу в целом. Не удивительно, что этот вывод оказал огромное влияние на последующие исследования проблематики общественного выбора.

Часть учёных занялась поиском возможностей ослабить свойства правил социального выбора, от которых отталкивался К. Эрроу. Особое внимание при этом привлекли первое и третье из них – соответственно, применимости искомого прави-

⁵ Речь идёт о следующих свойствах: (1) универсальная область определения (при любой конфигурации индивидуальных предпочтений правило социального выбора должно обеспечивать получение групповой системы предпочтений, соответствующей необходимым требованиям); (2) Парето-эффективность и (3) независимость от посторонних альтернатив.

ла социального выбора для любой конфигурации индивидуальных предпочтений членов группы и “независимости от посторонних альтернатив” результатов, получаемых на основе его использования.

Отказ от требования универсальной области определения (составная часть первого свойства), позволяя подвести какую-никакую теоретическую базу под исследование процесса выбора в отдельно взятой группе с заданными предпочтениями её членов, очевидным образом существенно сужает общность получаемых результатов. Принцип же “независимости от посторонних альтернатив” был введён К. Эрроу для того, чтобы избежать построения групповых предпочтений с нарушением аксиомы о недопустимости межличностных сопоставлений уровней индивидуальных полезностей, лежащей в основе ординалистской теории⁶. Ради возможности продолжать опираться на концепцию групповых предпочтений многие исследователи сочли целесообразным пойти на полный или частичный отказ от этой аксиомы. Одни из них [9] использовали кардиналистские свойства функции полезности фон Неймана–Моргенштерна в сочетании с правилами социального выбора Нэша [10], другие – опирались в значительной степени на соображения прагматического характера [8, с. 253; 11, с. 248–254].

Допущение возможности в той или иной форме прибегать к межличностным сравнениям уровней благосостояния в лучшем случае представляет собой решение типа “второго наилучшего выбора” (“second best”). Оно, конечно, легализует применение групповых функций полезности в макроэкономике и конкретных экономических исследованиях, но одновременно подрывает методологическую однородность самой экономической теории.

Нельзя не упомянуть также проблему, которую игнорирует подавляющее большинство сторонников рассматриваемого подхода. Считая тривиальной задачу максимизации коллективной полезности при имеющихся у группы ресурсах, они не уточняют, какие ресурсы имеются в виду.

⁶ Таким образом К. Эрроу обеспечивал соблюдение этой аксиомы ординалистской теории, поскольку сознательно оперировал в своём исследовании не функциями полезности, а отношениями предпочтения. Он отмечал: “Я в значительной степени трансформирую формулировку проблемы профессором Бергсоном о ценностном выборе с учётом принятой здесь [речь идёт о данной работе автора] терминологии... Как и при любом типе поведения, определяемого стремлением к максимизации, мы не будем исходить из измеримости общественного благосостояния; всё, что имеет значение, так это наличие социального ранжирования, удовлетворяющего Аксиомам I и II [о полноте и транзитивности социальных предпочтений. – А.Н.]. Как и прежде, всё, что нужно для определения такого порядка – это знание результатов сравнения в каждой паре альтернатив” [1, р. 22].

Подразумеваются ли все блага или только та их часть, которая передана отдельными членами группы в общее распоряжение? Очевидно, что в первом случае речь фактически идёт о групповой собственности на все ресурсы, и тогда нуждается в прояснении вопрос о том, имеют ли полученные выводы отношение к рыночной экономике, основанной на частной собственности⁷. Во втором случае мы вновь сталкиваемся с уже упоминавшейся проблемой “циклическости”, только теперь она проявляется в необходимости принятия членами группы специального решения о порядке предоставления принадлежащих им благ в общее пользование.

Проблемы, которые никак не удаётся преодолеть сторонникам наличия групповых предпочтений, заставляют некоторых учёных принципиально отказаться от этого подхода. При этом некоторые из них прямо ссылаются на теорему о возможности К. Эрроу [13, р. 573–577], и считают нужным говорить о согласовании интересов членов группы, а не о формировании её самостоятельного интереса [14, с. 90]. Однако способ такого согласования, как правило, специально не анализируется; возможно он попросту отождествляется с действием рыночного механизма.

АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ ГРУППОВОГО ВЫБОРА

Прежде всего следует обратить внимание на стремление исследователей предложить унифицированный подход к механизму принятия решений для всех видов групп. Между тем таких видов немало, и различия между некоторыми из них вряд ли можно заведомо отбросить как малозначимые. Поэтому начать имеет смысл с классификации имеющихся групп; при этом нас, естественно, будут в первую очередь интересовать группы, играющие важную роль в экономике. В основу классификации имеет смысл положить следующие три признака.

Признак первый: *состав группы*. С этой точки зрения группы можно разделить на те, членами которых являются одни только индивидуумы, и те, членами которых являются также и группы. Первый тип имеет смысл назвать *простой группой*, а второй – *сложной группой*. Соответственно, в сложной группе можно выделить большую и малые группы. С этих позиций примером простой группы будет являться модель простого менового хозяйства, субъектами которого являются инди-

⁷ Ф. Хайек обратил на это внимание, правда, в несколько ином контексте: “Государство всеобщего благосостояния становится государством домашнего хозяйства, в котором патерналистская власть контролирует большую часть доходов общества и распределяет их между людьми в тех формах и количествах, в которых, по её мнению, они нуждаются или заслуживают” [12].

видуальные производители (они же потребители). В качестве сложной группы можно рассматривать современную рыночную экономику, в которой наряду с отдельными людьми взаимодействуют такие групповые участники хозяйственной деятельности, как домашние хозяйства, фирмы и др.

Признак второй: *роль группы в удовлетворении потребностей её членов*. Здесь основой классификации становится ответ на вопрос о том, входит ли в круг интересов группы удовлетворение всех потребностей её членов или только части из них. В зависимости от ответа проводим различие между *интегральными* и *фрагментарными* группами. Примерами интегральных групп могут являться домашние хозяйства, общая экономическая система; примерами фрагментарных групп – фирмы, разнообразные группы по интересам.

Признак третий: *роль внешних по отношению к группе связей в удовлетворении тех потребностей её членов, ради которых и создана группа*. Группы, которые не используют связи с внешним миром для удовлетворения потребностей своих членов, отнесём к *закрытым группам*, а те, которые используют их для блага своих членов, – к *открытым*.

Нетрудно убедиться в том, что интегральные группы могут быть и закрытыми, и открытыми (пример – открытые и закрытые национальные экономики; патриархальные или действующие в рыночной среде домашние хозяйства). Что касается фрагментарных групп, то они будут в основном относиться к разряду открытых, хотя теоретически среди них могут быть и закрытые (например, в случае групп по интересам, когда соответствующие потребности членов группы удовлетворяются исключительно в её рамках).

Наряду с дифференцированным рассмотрением проблемы социального выбора по отношению к разным типам групп важно, на наш взгляд, чётко разделить рассмотрение этого вопроса применительно к условиям полной и неполной определённости. С учётом этого неизбежно произойдёт разделение двух вопросов – существования (и, соответственно, параметров) социального оптимума, с одной стороны, и способов его достижения (приближения к нему) – с другой.

Замысел состоит в том, чтобы начать поиск социального оптимума для *простой интегральной закрытой группы* в условиях полной определённости. Далее будет предпринята попытка показать, что возникновение сложных групп может рассматриваться как естественный результат ситуации неполной определённости. На этом этапе попытаемся проследить, что будет представлять из себя состояние группового оптимума на уровне большой и малых групп и какие механизмы могут обеспечивать максимальное приближение к соответствующим идеальным состояниям.

По причинам, понятным из предшествующего изложения, вопрос социального оптимума будет рассматриваться под углом зрения согласованности интересов членов группы. При этом под согласованностью интересов мы будем понимать такое состояние группы, при котором одновременно обеспечивается максимизация индивидуальных функций полезности всех её членов. Именно в таких условиях никто из членов группы не будет желать изменения сложившегося положения дел.

СОЦИАЛЬНЫЙ ОПТИМУМ В УСЛОВИЯХ ПОЛНОЙ ОПРЕДЕЛЁННОСТИ

Условия определённости здесь будут рассматриваться в абсолютном смысле. Это значит, что мы будем исходить из того, что все члены рассматриваемой простой интегральной группы располагают полной информацией об индивидуальных системах предпочтений, имеющих ограничения, а также обладают способностью без затрат усилий и времени обрабатывать соответствующую информацию. В этих, признаем, абсолютно нереалистичных условиях само наличие группового оптимума является гарантией его достижения.

Особо следует сказать о характеристике индивидуальных предпочтений. Особенности “экономического человека” А. Смита состоят, как известно, в том, что его предпочтения формируются исключительно в отношении уровня собственного потребления. Разумеется, такой субъект хозяйственной деятельности – это абстрактная фигура, введение которой в экономический анализ позволяет лучше понять существо рыночных отношений. В то же время ясно, что реальных людей, помимо собственного потребления, в той или иной степени интересует состояние общества, в котором они живут, а следовательно, и уровень благосостояния других его членов. В терминологии К. Эрроу люди являются носителями как вкусов, формирующих в отношении потребляемых ими благ, так и ценностей [1, р. 18], являющихся продуктом общественного развития. С учётом этого мы будем исходить из того, что индивидуальные функции полезности в общем случае содержат два вида независимых аргументов. Первые связаны исключительно с удовлетворением “эгоистических” потребностей индивида, а вторые характеризуют его отношение к состоянию социума, в том числе отражают индивидуальное восприятие значимости тех уровней благосостояния, которых достигают другие члены общества. Соответственно, индивидуальная социальная (верхний индекс s) функция полезности может быть представлена следующим образом:

$$U_k^s = U_k^s(U_1(x^1), \dots, U_k(x^k), \dots, U_m(x^m)), \quad (2)$$

где U_k^s — функция (социальной) полезности индивидуума k , $U_j(x^j)$, $j = 1, \dots, m$ — функции индивидуальной “эгоистической” полезности каждого из m членов группы, x^j — вектор потребления соответствующего члена группы. Сразу же заметим, что индивидуальная функция общественной полезности сводится к функции полезности экономического человека A . Считая $U_j(x_1^j, \dots, x_n^j)$ (“эгоистическая функция полезности”) в том случае, когда $\frac{\partial U_k^s}{\partial U_j} = 0$ ($k \neq j$).

Проблему общественного оптимума будем рассматривать в самом простом виде — в условиях, когда перед членами группы стоит задача оптимального распределения имеющегося набора благ. При этом надеемся, что выводы, вытекающие из модели *чистого распределения*, окажутся столь же полезными для изучения проблемы общественного выбора, как и выводы, вытекающие из модели *чистой торговли*, — для изучения закономерностей обмена.

Итак, имеются m членов группы, потребляющих n благ. Общее количество этих благ (endowment) задано вектором $e = (e_1, \dots, e_n)$. Оно и формирует ограничения для всех членов группы при решении каждым из них задачи максимизации целевой функции:

$$x_{i1}^k + \dots + x_{ik}^k + \dots + x_{in}^k = e_i, \quad (3)$$

($i = 1, \dots, n$), (n уравнений).

Таким образом, эти уравнения говорят о том, что, с точки зрения k -го члена группы (верхний индекс k), суммарное количество блага i , которое окажется в результате распределения у всех её членов, будет равняться исходному количеству e_i .

Несложно убедиться, что необходимые условия наличия максимума у функции (2) при ограничениях (3) будут иметь следующий вид:

$$\frac{\partial \mathcal{L}}{\partial x_{ij}^k} = \frac{\partial U_k^s}{\partial U_j} \cdot \frac{\partial U_j}{\partial x_{ij}^k} \cdot e_i - \lambda_i = 0 \quad (4)$$

($i = 1, \dots, n$, $j = 1, \dots, m$), $n \times m$ уравнений

$$\frac{\partial \mathcal{L}}{\partial \lambda_i} = e_i - x_{i1}^k - \dots - x_{ik}^k - \dots - x_{in}^k = 0, \quad (5)$$

n уравнений,

где \mathcal{L} — функция Лагранжа, построенная на основе целевой функции и ограничений (3).

Решение системы уравнений (4)–(5) позволяет определить оптимальное, с точки зрения k -го агента, распределение благ между всеми членами общества. При таком распределении должно соблюдаться следующее условие:

$$\left(\frac{\partial U_k^s}{\partial U_g} \cdot \frac{\partial U_g}{\partial x_{ig}^s} \right) / \left(\frac{\partial U_h^s}{\partial U_h} \cdot \frac{\partial U_h}{\partial x_{ih}^s} \right) = 1. \quad (6)$$

Таким образом, при оптимальном с позиции k -го субъекта распределении имеющегося набора благ величины социальной предельной полезности любого (i -го) блага $\frac{\partial U_k^s}{\partial x_{ij}^s} = \frac{\partial U_k^s}{\partial U_j} \cdot \frac{\partial U_j}{\partial x_{ij}^s}$ у двух любых членов общества g и h должны быть одинаковыми.

Сразу же отметим, что в случае, когда общество состоит из “отпетых эгоистов” A . Считая, данное условие соблюдаться не может: левая часть этого выражения всегда равняется нулю, по-

скольку по определению $\frac{\partial U_k^s}{\partial U_j} = 0$ ($k \neq j$). И это

не случайно, так как максимум функции для “экономического человека” может быть достигнут только тогда, когда в его распоряжении окажутся все имеющиеся блага e_1, \dots, e_n .

В случае, когда мы имеем дело с “альтруистами”, такой проблемы нет в том смысле, что каждый из них учитывает при поиске оптимального распределения благ не только величину собственного потребления. Однако появляется другая заковыка: оптимальные, с точки зрения различных членов общества, распределения благ могут совпасть лишь в том случае, если одинаковыми являются их индивидуальные функции социальной

полезности (или, иначе, если значения $\frac{\partial U_k^s}{\partial U_j}$, ($k = 1, \dots, j, \dots, m$) одинаковы для всех экономических агентов). Только тогда можно говорить о существовании точки согласования индивидуальных интересов, определяемой конфигурацией индивидуальных предпочтений членов социума.

Однако в условиях, когда индивидуальные функции общественного благосостояния членов социума не совпадают, согласование их интересов в принятом нами смысле возможно только при использовании членами общества некоего правила (алгоритма, принципа), позволяющего трансформировать различные индивидуальные функции общественного благосостояния U_k^s в единую для всех функцию U^* . Понятно, что спектр правил, позволяющих интегрировать индивидуальные предпочтения членов социума, безграничен.

Предположим, например, что индивидуальные функции общественной полезности являются аддитивными и имеют следующий вид:

$$U_k^s = \alpha_1^k \cdot U_1(x^1) + \dots + \alpha_m^k \cdot U_m(x^m) \quad (7)$$

Задача членов социума состоит в этом случае в том, чтобы согласовать и использовать в своих индивидуальных функциях общественной полезности единые значения коэффициентов $\alpha_1, \dots, \alpha_m$. Предположим, они сошлись в том, что все эти коэффициенты должны быть равными $1/m$, то есть свидетельствовать о равном влиянии индивидуальных эгоистических полезностей членов социума на восприятие каждым из них социального оптимума. Тогда оптимальное распределение благ окажется одинаковым для каждого экономического агента и будет, в соответствии с принятой нами договорённостью, определять социальный оптимум.

Таким образом, возможность гармонизации интересов членов простой интегральной группы в общем случае предполагает существование той или иной институциональной среды, формирование которой, само по себе, может быть лишь результатом решения, согласованного членами группы. А это значит, что возникновение проблемы “цикличности” оказывается неизбежным и при подходе к общественному выбору с позиций согласования интересов членов социума.

Обратим внимание на следующее обстоятельство. Наличие у всех членов социума одной и той же функции индивидуальной общественной полезности означает, что все они одинаково ранжируют различные состояния социума по степени их предпочтительности. Но не означает ли это, что так же ранжирует эти состояния и общество в целом? В случае положительного ответа (а он может показаться вполне естественным) мы возвращаемся к концепции групповых предпочтений и соответствующей им функции групповой (общественной) полезности. Роль последней здесь будет играть единая функция индивидуальной общественной полезности.

Понятно, что групповая система предпочтений и выражающая её функция групповой полезности будут при такой трактовке носить не естественный, вытекающий из внутренних свойств социума, а “рукотворный” характер. Но это само по себе не свидетельствует о преимуществе подхода, основанного на идее согласования индивидуальных интересов, поскольку необходимая для такого согласования единая функция индивидуальной общественной полезности имеет точно такую же искусственную природу. Более важным представляется следующее обстоятельство. *Субъективная сопоставимость* индивидуальных полезностей, проявляющаяся в индивидуальных функциях общественной полезности, не противоречит постулатам ординалистской теории. Тот факт, что общая для всех *индивидуальная* функция благосостояния формируется на весьма шатких, договорных основах, играет в этом смысле, скорее, положительную роль: неизбежные

межличностные сопоставления индивидуальных полезностей, которых при таких согласованиях невозможно избежать, выступают как искусственный приём, позволяющий найти именно точку *гармонизации* индивидуальных интересов, а не получить объективное, с точки зрения социума, ранжирование всех его возможных состояний.

СОГЛАСОВАНИЕ ИНТЕРЕСОВ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ

Механизмы социального выбора в рамках “простого общества”. Когда речь идёт о ситуации определённости, выявить индивидуальные предпочтения участников простой группы не составляет труда, а интегрирование предпочтений происходит автоматически, коль скоро членами общества принят порядок его проведения. Принципиально иная ситуация складывается в условиях неопределённости⁸: здесь для решения подобных задач дополнительно требуются не только усилия членов общества, но и наличие специальных институтов, совокупность которых формирует механизм социального выбора. Таким образом, потребность в институциональном обеспечении общественного выбора в условиях неопределённости возрастает. Наряду с принципом социального выбора, определяющим параметры социального оптимума, возникает необходимость в особом механизме, обеспечивающем максимальное приближение к этому состоянию.

Начать имеет смысл с анализа возможности решения этой задачи при помощи механизма согласования интересов, основанного на аналитической работе, которая ориентирована на оценку имеющихся у общества ресурсов и индивидуальных предпочтений членов группы (плановый механизм). Ключевая проблема здесь – сбор и обработка необходимой информации.

Естественным способом получения сведений об индивидуальных предпочтениях представляется механизм голосования⁹. Однако его способность решать эту задачу ограничена. Он применим исключительно для выбора из счётного (причём весьма ограниченного) количества альтернатив. Понятно, что поставить на голосование членов общества бесконечное количество состояний социума, чтобы выбрать из них наилучший или даже провести их ранжирование невозможно

⁸ Условия неопределённости здесь трактуются не с точки зрения распределения вероятностей возможных исходов тех или иных действий, а как ситуация, в которой экономические агенты не обладают всей полнотой информации и способностью мгновенно и идеально её обрабатывать.

⁹ Как отмечалось выше, К. Эрроу рассматривал институт голосования как самостоятельный способ социального выбора. Представляется, что де-факто он трактовал его шире, чем простое выявление индивидуальных предпочтений, а именно так, как здесь трактуется плановый механизм.

в принципе. В то же время голосование в той или иной его форме, по всей видимости, является фактически безальтернативным инструментом определения принципа социального выбора, а также выполнения ряда функций, связанных с существованием малых групп.

Сведения, касающиеся индивидуальных предпочтений, могут быть частично получены также за счёт проведения социологических опросов и аналитическим путём — на основе обработки статистических данных, характеризующих положение дел в предшествующие периоды. Однако очевидно, что и в этом случае информация явно не может быть исчерпывающей, а её сбор будет сопряжён с серьёзными системными издержками (издержки управления). Само существование последних исключает возможность точного попадания в искусственно сконструированную точку оптимального выбора, поскольку часть ресурсов приходится расходовать не на производство потребительских благ, а на информационное обеспечение процесса принятия решений.

С учётом сказанного понятно, почему использование планового механизма неизбежно сопровождается работой с более или менее агрегированной информацией. Соответственно, укрупнённым, недетализированным оказывается и получаемое представление о самом социальном оптимуме. Это также затрудняет попадание в состояние социального оптимума при помощи планового механизма.

Конечно, возникает вопрос о том, кому надлежит выполнять всю аналитическую работу, связанную с реализацией планового механизма социального выбора. Поскольку на данной стадии предметом исследования является простая интегральная группа, не имеющая никаких других участников, кроме отдельных людей, постольку нам не остаётся ничего другого, как считать, что именно они должны осуществлять эту деятельность. Более реалистичный ответ возможен лишь на этапе анализа сложной группы.

Рыночный механизм позволяет резко сократить издержки, связанные со сбором и обработкой информации. Его запуск связан с закреплением в собственности отдельных членов общества имеющих благ. Механизм прямых и обратных связей между индивидуальными системами предпочтений и пропорциями обмена оказывается, как известно, инструментом, подталкивающим экономику к состоянию общего равновесия. Но возникает вопрос: можно ли рассматривать общее равновесие как состояние, соответствующее социальному оптимуму, то есть точке согласования интересов членов общества?

В целом ответ должен быть отрицательным. Состояние общего равновесия, как известно, характеризуется Парето-эффективностью; при этом

положение точки общего равновесия на границе производственных возможностей (трансформационной поверхности) находится в прямой зависимости от исходного распределения ресурсов между субъектами рыночной экономики. Поскольку рынок способен обеспечивать согласование только эгоистической части индивидуальных предпочтений членов общества, постольку результат его функционирования не зависит от того, являются ли участниками меновых операций “экономические люди” А. Смита или социально ориентированные индивидуумы. Но это как раз и означает, что функционирование рынка, в том числе в среде альтруистически настроенных личностей, в общем случае не может обеспечить достижение социального оптимума, как оно было выше определено (см. уравнения (2)–(5)).

В то же время из второй фундаментальной теоремы экономики благосостояния следует, что (при определённых допущениях в отношении множества производственных планов, индивидуальных предпочтений и множества потребительских наборов) любой точке на границе производственных возможностей будет соответствовать такое распределение прав собственности, при котором она оказывается одновременно точкой общего равновесия [15]. Отсюда сразу же следует, что выход в точку согласования интересов в условиях рыночной экономики может происходить в два этапа. На первом обеспечивается достижение такой конфигурации прав собственности, которая отвечает согласованному принципу социального выбора, а на втором — в дело вступает механизм товарного обмена. Фактически речь здесь идёт о совместном применении аналитического и рыночного механизмов.

Этот способ достижения социального оптимума может быть описан при помощи следующей модели:

$$\text{Max} U^* = U^*(U_1(x_{11}, \dots, x_{n1}), \dots, U_m(x_{1m}, \dots, x_{nm})) \quad (8)$$

при ограничении:

$$\sum_{j=1}^m \sum_{i=1}^n (x_{ij} - e_{ij}) \cdot p_i = 0, \quad (9)$$

где e_{ij} — количество i -го блага, принадлежащего в начальный момент j -му члену общества.

Следует обратить внимание на ограничение (9). Требование, чтобы меновая ценность товаров, поступающих в обмен, равнялась меновой ценности товаров, полученных в результате обмена, здесь относится не к каждому отдельному члену общества, а ко всем им вместе взятым. Тем самым обеспечивается возможность первоначального

выхода на желаемую конфигурацию прав собственности¹⁰.

Отметим следующее обстоятельство. Легко убедиться, что ограничение (9) может быть представлено в следующей форме:

$$\begin{aligned} \sum_{j=1}^m \sum_{i=1}^n (x_{ij} - e_{ij}) \cdot p_i &= \sum_{j=1}^m \sum_{i=1}^n x_{ij} \cdot p_i - \sum_{i=1}^n p_i \cdot \sum_{j=1}^m e_{ij} \\ &= \sum_{j=1}^m \sum_{i=1}^n x_{ij} \cdot p_i - \sum_{i=1}^n e_i \cdot p_i = 0. \end{aligned} \quad (10)$$

Это позволяет увидеть, что первоначальное распределение благ между членами общества никакого значения для решения поставленной задачи не имеет. И это не удивительно: ведь существует единственно возможное распределение прав собственности, при котором рынок приведёт экономику в точку социального оптимума.

Поскольку эта модель прямо затрагивает — благодаря ограничениям (10) — всех экономических агентов, постольку она позволяет определить не функции спроса каждого из них в отдельности, а состояние общего равновесия, отвечающее социальному оптимуму (в соответствии со взглядами соответствующего субъекта). В этих условиях цены p_i выступают в качестве независимых переменных модели, а не её параметров.

С учётом сказанного получаем следующую функцию Лагранжа и необходимые условия наличия максимума у целевой функции:

$$\mathcal{L} = U^*(U_1(x_{11}, \dots, x_{m1}), \dots, U_m(x_{1m}, \dots, x_{nm})) + \lambda \cdot \left(\sum_{i=1}^n e_i \cdot p_i - \sum_{j=1}^m \sum_{i=1}^n x_{ij} \cdot p_i \right) \quad (11)$$

$$\frac{\partial \mathcal{L}}{\partial x_{ij}} = \frac{\partial U^*}{\partial U_j} \cdot \frac{\partial U_j}{\partial x_{ij}} - \lambda \cdot p_i = 0 \quad (12)$$

($m \times n$ уравнений)

$$\frac{\partial \mathcal{L}}{\partial p_i} = \lambda \cdot \left(e_i - \sum_{j=1}^m x_{ij} \right) = 0 \quad (n \text{ уравнений}) \quad (13)$$

$$\frac{\partial \mathcal{L}}{\partial \lambda} = \sum_{i=1}^n e_i \cdot p_i - \sum_{j=1}^m \sum_{i=1}^n x_{ij} \cdot p_i = 0 \quad (14)$$

(одно уравнение).

Из уравнений (12)–(14) получаем равновесные величины товаров x_{ij} , которые должны оказаться в результате двух упомянутых этапов перераспределения в распоряжении каждого члена общества, а также равновесные цены p_i . Легко опреде-

лить также и масштаб перераспределения меновой ценности между экономическими агентами. Для каждого из них её изменение в результате первого этапа перераспределения составит $\sum_{i=1}^n (e_{ik} - x_{ik}) \cdot p_i$.

Как известно, имеются сферы, в которых действие рыночного механизма даёт сбой. Существование провалов рынка применительно к производству и потреблению общественных благ и побочных эффектов хозяйственной деятельности хорошо известно. Рынок также плохо приспособлен к регулированию разделения труда и уровней потребления в рамках домашних хозяйств, вовлечению в самостоятельный оборот производственных услуг работников, являющихся неразрывным элементом единой технологической системы. Всё это не может не увеличивать разрыв между социальным оптимумом и фактическим положением дел, которого можно добиться при помощи рыночного механизма.

В целом, как известно, действие рыночного механизма сопряжено с системными издержками, получившими название *транзакционных*. Их существование приводит к тому, что и при данном механизме группового выбора возможно лишь приближение к точке социального оптимума, основанной на согласованном членами группы правиле.

Наконец, отметим следующее обстоятельство. Все рассмотренные варианты нахождения точки согласования интересов основываются на полученной по определённом алгоритму единой индивидуальной функции общественной полезности. Однако понятно, каких усилий на практике потребовало бы одно только определение необходимых для этого индивидуальных функций полезности. Эти издержки можно существенно сократить, если допустить более грубое решение — согласование членами социума принципа распределения имеющих благ. Такой принцип общество может формулировать на основании разных критериев, в том числе относящихся к сфере производства.

Для иллюстрации этого тезиса воспользуемся марксовой моделью первой стадии коммунизма, которая предусматривала, что каждый член общества будет получать право на долю в общественном продукте в соответствии с количеством затраченного им труда [16]. Этот принцип теоретически можно было бы реализовать — здесь мы отклоняемся от канонического замысла — путём передачи в собственность членам общества каждого вида произведённого продукта в количестве, соответствующем их трудовой доле. На следующем этапе каждый из них мог бы вступить в отношения обмена с другими членами общества, стре-

¹⁰Здесь полезна аналогия с современной практикой: эквивалентный обмен между субъектами рынка происходит после уплаты ими налогов, которые как раз и обеспечивают первичное перераспределение ресурсов между ними.

мясь максимизировать уровень собственного благосостояния.

Сложные группы как инструмент адаптации к условиям неопределённости и ограниченной рациональности. Наличие крупных системных издержек в рамках простой интегральной группы и неизбежность связанного с этим значительного отклонения от абстрактного состояния социального оптимума приводят к тому, что важнейшим способом адаптации к условиям неопределённости становится *формирование малых групп*, которым делегируется выполнение ряда функций по согласованию индивидуальных интересов. Простая интегральная группа трансформируется в сложную интегральную группу, в которой участниками большой системы наряду с индивидами становятся и малые группы.

Появление малых групп, сокращая системные издержки по одному направлению, одновременно создаёт новые проблемы – согласования интересов на уровне самих малых групп, а также гармонизации индивидуальных, групповых и общественных интересов. Соответственно, на всех этих уровнях требуется определение общих принципов такого согласования. Под действием разнонаправленных сил при формировании институциональной структуры интегральной группы её субъекты должны стремиться к тому, чтобы в пределе выгоды от увеличения количества малых групп (снижение транзакционных издержек, связанных с гармонизацией многообразных межличностных отношений) не оказались больше соответствующих потерь (удаление от абстрактного оптимума из-за замены одного критерия оптимума рядом нуждающихся в согласовании критериев). Игнорирование издержек, обусловленных функционированием простой интегральной группы в условиях неопределённости, приводит к непониманию причин, которые делают, по сути дела, безальтернативным их превращение в сложные группы. Так, советский экономист Н.И. Ведута полагал [17], что практика хозрасчёта социалистических предприятий являлась глубоко ошибочной, поскольку модель социалистической экономики, описанная К. Марксом в “Критике Готской программы”, предполагала формирование экономических отношений исключительно между отдельными членами общества и обществом в целом.

Особый вид коллективного субъекта, играющего существенную роль в жизни современного общества, представляет собой группа, которая выполняет функцию органа управления другой, большей по отношению к ней группы. На уровне национальной экономики таким управляющим центром является государство¹¹, которое решает

целый комплекс важнейших задач: правотворчество (в том числе связанное с формированием принципа социального выбора) и правоприменение, сбор и обработка информации, характеризующей состояние экономики, принятие решений, призванных обеспечить максимально возможное приближение экономики к оптимальному состоянию. С этой целью государство принимает решения о желаемых масштабах перераспределения ресурсов и реализует его при помощи инструментов экономической политики. Деятельность государства играет важнейшую роль в создании условий для согласования интересов, формирующихся на всех уровнях национальной экономики.

Невозможность получения и обработки всей информации заставляет государство прибегать к таким методам “второго наилучшего выбора”, как формулирование целей и приоритетных направлений развития, разрабатывать его возможные сценарии, сопоставлять их между собой с точки зрения соответствия общественным интересам. Последнее обстоятельство – ранжирование государством некоторых из возможных вариантов общественного развития – и становится, по всей видимости, основанием для формализации в научных исследованиях этой деятельности с помощью функции общественного благосостояния.

При формировании органов управления, а отчасти и в процессе их функционирования особая роль принадлежит институту голосования. С его помощью отбираются лица, которым делегируется право принятия важнейших решений нормативного и исполнительного характера, а также принимаются наиболее важные решения. Рутинная деятельность органов управления регулируется отношениями административного характера.

Одна из серьёзных проблем, которые сопровождают функционирование любого органа управления, заключается в том, что у работающих в его рамках людей неизбежно возникает конфликт интересов. С одной стороны, они должны прилагать все усилия для улучшения положения большой группы, являющейся объектом управления, с другой – они заинтересованы в максимизации собственного благосостояния. Результатом этого противоречия становится неизбежность принятия решений типа “второго наилучшего выбора”, направленных на максимальную гармонизацию подобных устремлений. Между тем необходимость таких действий сама по себе свидетельствует об ограниченных возможностях приближения к социальному оптимуму.

В экономической системе важнейшее место занимают такие малые группы, как предприятия (фирмы) и домашние хозяйства. Производственной основой предприятий являются технологии, основанные на коллективном труде. Комбинация таких элементарных производственных систем,

¹¹Здесь государство рассматривается не как страна, а как синоним органов государственного управления.

формируемая с учётом возможностей обработки информации и принятия рациональных решений, оказывается естественной основой нижнего уровня иерархического управления в плановой экономике.

В рыночном хозяйстве регулирование при помощи товарного обмена услуг, предоставляемых частичными работниками¹² в рамках технологически детерминированных видов кооперации труда, практически невозможно: связанные с ним транзакционные издержки оказались бы предельными. В этих условиях производство товара в рамках такой малой группы, как предприятие осуществляется в плановом режиме, вследствие чего в развитой рыночной экономике сосуществуют и дополняют друг друга два интегральных механизма общественного выбора — план и рынок. Границы между ними, как показал Р. Коуз, в идеале должны проходить там, где предельные транзакционные издержки, связанные с расширением рыночной сферы, оказываются равными предельным издержкам управления в результате увеличения масштабов предприятия [18]. В сущности, сформулированный выше принцип, определяющий формирование сложной структуры у интегральной группы, является обобщением этой идеи Р. Коуза.

Важная особенность капиталистической фирмы как малой группы связана с принципиально различным положением в её рамках двух действующих лиц — собственников капитала и наёмных работников. Работники становятся сотрудниками фирмы в результате процедуры найма и являются главным образом исполнителями решений, инициированных собственниками капитала. В некотором отношении роль наёмных работников внутри фирмы мало чем отличается от роли материальных факторов производства. Поэтому вся деятельность фирмы подчинена интересам собственников капитала. В условиях, когда собственник один, абсолютно естественно говорить о целевой функции фирмы: она является производной от индивидуальной функции полезности, а следовательно, и предпочтений собственника. Ситуация усложняется, когда у фирмы не один владелец капитала, как это, например, имеет место в акционерных обществах. Конечно, максимизация дохода от инвестированного капитала является целью каждого из собственников. Однако они могут по-разному оценивать эффективность тех или иных инвестиционных проектов, а также им может быть свойственно различное отношение к риску. Очевидно, что в этих случаях мы сталкиваемся с проблемой согласования ин-

тересов собственников капитала фирмы, а целевая функция фирмы становится результатом подобного согласования.

Особого внимания заслуживает такая малая группа, как домашнее хозяйство. Теоретически можно представить состояние полной согласованности интересов членов простой интегральной группы, включая потребности каждого из них в формировании семьи, продолжении рода, воспитании детей и заботе о старшем поколении. Обеспечить сколько-нибудь приемлемое приближение к этому состоянию в условиях неопределённости без превращения домашнего хозяйства в самостоятельного участника экономических отношений невозможно. Выполнение домашним хозяйством этой роли предполагает наличие у него и собственного интереса, и возможностей его реализации.

Опыт свидетельствует о существовании различных форм организации домашних хозяйств. В одних семьях имеются свои “диктаторы”, чья система предпочтений проецируется на семью в целом, в других — принятие решений в различных областях делегировано отдельным членам домашнего хозяйства, в третьих — по наиболее важным вопросам члены домашнего хозяйства (или часть из них) делают выбор при помощи голосования и т.д. и т.п. Но во всех случаях избранная модель является результатом явного или неявного согласования интересов членов домашнего хозяйства. По всей видимости можно без особой натяжки заключить, что члены домашнего хозяйства тем или иным способом искусственно конструируют универсальную функцию индивидуальной групповой полезности. Последняя, как мы видели, может рассматриваться как искусственно сконструированная *групповая функция благосостояния*, на основе которой и формируются функции спроса домашнего хозяйства.

* * *

На основе проведённого исследования можно заключить, что однозначно определяемой точки социального оптимума не существует, и в этом смысле он может рассматриваться как своего рода призрак. Ситуация становится ещё более загадочной с учётом того, что отсутствуют и идеальные механизмы выхода в любую искусственно сконструированную точку, претендующую на эту роль.

Для большего или меньшего приближения к согласованному идеалу на практике приходится применять решения, относящиеся к категории “второго наилучшего выбора”. В их числе: комбинация различных механизмов социального выбора; поиск оптимальной конфигурации малых групп в рамках большой группы; конструирова-

¹²Частичный работник — это узкоспециализированный работник, который полностью сконцентрирован на выполнении какой-то одной операции, обусловленной сложившимся разделением труда.

ние социального оптимума на основе агрегированной информации с использованием инструментария, характерного для подхода с позиций групповых предпочтений (выделение социально-экономических приоритетов, сопоставление различных сценариев развития); противодействие провалам рынка и корректировка сложившегося распределения собственности через изменения налоговой политики; экспериментирование с различными формами голосования и областями его применения. И без того запутанная проблема ещё более осложняется следующими двумя обстоятельствами. Во-первых, в составе социума и его отдельных групп происходят постоянные изменения, а следовательно, меняется и конфигурация подлежащих интегрированию индивидуальных представлений об общественном благе. Во-вторых, научно-технический прогресс непрерывно вносит коррективы в возможности, имеющиеся в распоряжении людей.

Между тем практика свидетельствует о том, что общественная система, опирающаяся, казалось бы, на столь шаткие основания, оказывается относительно устойчивой. Её устойчивость определяется тем, что люди прекрасно осознают выгоды, которые даёт им взаимодействие друг с другом. Поскольку взаимодействие невозможно без участия определённых институтов, постольку в человеческом сообществе формируются механизмы их защиты. К таковым, в частности, относятся воспитание и поддержание у членов социума уважения к национальным интересам, культивирование традиций на уровне многих малых групп. Люди также оценивают результаты функционирования действующих правил общественного выбора не в статике, а в динамике, то есть ориентируясь не на отдельные исходы, а на их совокупность, наблюдаемую в течение более или менее длительного времени.

Однако очевидна неизбежность того, что в определённые периоды люди испытывают большую или меньшую неудовлетворённость результатами общественного взаимодействия и предпринимают усилия по его усовершенствованию. Иногда такие усилия оказываются тщетными, и это ведёт к исчезновению или распаду одних групп и формированию других, в том числе посредством слияния прежде самостоятельных групп.

Таким образом, общий вывод состоит в следующем. Социальный оптимум – это, действительно, призрак, однако он жизненно необходим для людей. Его образ подвержен труднопредсказуемым изменениям под влиянием эволюционирующих представлений о принципах согласования индивидуальных интересов, непрерывного обновления состава социума, меняющихся производственных условий. Но в целом представление

об общих интересах оказывается достаточно устойчивым на определённых отрезках времени.

Отмеченные особенности делают социум особым предметом исследований по сравнению с естественно-научными объектами. Наличие твёрдых оснований в виде системы индивидуальных предпочтений и имеющихся производственных возможностей позволяет прийти к определённому выводу о состоянии, к которому следует стремиться обществу, только в том случае, если известны точные характеристики институциональной среды. Однако формирование последней происходит в значительной степени на основе метода проб и ошибок при отсутствии однозначных критериев эффективности. Это неизбежно приводит к появлению зоны неопределённости между выводами чистой теории и экономической практикой [19]. Эту зону заполняют конкретные исследования, как правило, междисциплинарного характера, которые иногда даже рассматриваются как субститут экономической теории [20]. Подобные исследования оперируют имеющейся информацией об обществе, каковым оно является в соответствующий момент времени. Такая работа, несомненно, очень важна, но она не может полностью ликвидировать упомянутую зону неопределённости. Не может она быть и по-настоящему эффективной, если не опирается на базовые положения чистой теории.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Arrow K.* Social Choice and Individual Values. N.Y.; L.: John Wiley & Sons, Inc., Chapman & Hall, 1951.
2. *Arrow K.* Social Choice and Justice. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, 1983.
3. *Pareto V.* Manuel d'économie politique, deuxième édition. Paris: M. Giard, 1927.
4. *Рубинштейн А.* Структура и эволюция социального интереса. Препринт. М.: ИСЭ Пресс, 2003.
5. *Grinberg R., Rubinstein A.* Economic Sociodynamics. Springer, 2005.
6. *Buchanan J.* Public Finance in Democratic Process. Fiscal Institutions and Individual Choice. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1967.
7. *Bergson A.* A Reformulation of Certain Aspects of Welfare Economics // Quarterly Journal of Economics. 1938. V. 52. P. 310–334.
8. *Сен А.* Возможность общественного выбора. Нобелевская лекция. 8 декабря 1998 г. / Политиком об экономике. Лекции нобелевских лауреатов по экономике. М.: Современная экономика и право, 2005.
9. *Kaneko M., Nakamura K.* The Nash Social Welfare Functions // Econometrica. 1979. № 47. P. 423–436.
10. *Nash J.* The Bargaining Problem // Econometrica. 1950. № 18 (2). P. 155–162.

11. *Некипелов А.* Становление и функционирование экономических институтов. От “робинзонады” до рыночной экономики, основанной на индивидуальном производстве. М.: Экономистъ, 2006.
12. *Хайек Ф.* Дорога к рабству. М.: Новое издательство, 2005.
13. *Silberberg E.* The Structure of Economics. A Mathematical Analysis. Second Edition. McGraw-Hill Publishing Company, 1990.
14. *Вагнер Р.* Фискальная социология и теория государственных финансов. Исследовательское эссе // Экономическая социология. 2016. Т. 17. № 2. Март. С. 88–110.
15. *Hindriks J., Myles G.* Intermediate Public Economics. 2nd ed. Cambridge, MA: MIT Press, 2013.
16. *Маркс К.* Критика Готской программы / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 19. С. 9–32.
17. *Ведута Н.И.* Социально эффективная экономика / Под общей ред. д-ра экон. наук Е.Н. Ведуты. М.: Изд-во РЭА, 1999.
18. *Coase R.* The Nature of the Firm // *Economica*. 1937. № 4 (16). P. 386–405.
19. *Некипелов А.Д.* Кризис в экономической науке — природа и пути преодоления // Вестник Российской академии наук. 2019. № 1. С. 24–37.
20. *Полтерович В.М.* Становление общего социального анализа // Общественные науки и современность. 2011. № 2. С. 101–111.